

В багажном отсеке вот этого купе одно время пылился проездной билет. На нем — четкие записи отправления-назначения, а с тылу — неровные росчерки от руки.

— Здравствуйте. Я ваш попутчик. И это судьба.

Я говорю эту пошлость, потому что надо что-то говорить и говорить весело. Никто не заставляет говорить весело (да и весело ли? — еще вопрос) — мужчине не пристало выглядеть скучным. Есть, правда, и обратная сторона. Навязываясь с, как тебе кажется, шутками, рискуешь остаться занудой. Но в такие детали вдаются единицы. Я из них.

Накрученный задор моих слов никак не подкреплён решительностью взгляда. Прямо и долго смотреть на женщин не могу. Кажется, что оскорблю, да и если долго — обязательно расплывусь от уха до уха.

Но не смотреть прямо — не значит не видеть. Мой взгляд остер и прихватчив. И я вижу: на приветствие не ответила. Впрочем, вру: эту ракетную бирюзовую искось — а у нее ТАКИЕ глаза — уловил не столько я, сколько кто-то очень чуткий внутри. Подсознательный пеленгатор. Значит, не совсем без интереса?

— Переодевайтесь, пожалуйста.

И мягко прикрыла дверь.

Познакомились...

Сквознячок взвихряет легкий шлейф незнакомых, но чудных духов. После пятисекундной заминки сосредотачиваюсь и начинаю распаковывать чемодан. Так. Трико, майка... А тапочки? А тапочки в другом углу. А голос, кстати, приятен и текуч, можно сказать, обволакивает. Или знаком? Потому и приятен, что знаком? Нет, разумеется, я ее не знаю, просто голос... определенной категории. Все женские

голоса делятся на категории (мужские — на классы). Раньше всех себя выдают хищные и истеричные. Этот не из хищных. Но даже те, из этой категории, какие знал, не так приятны. Плюс фигура с чарующим изгибом. Хороша!

Я делал все, что положено не наглому мужчине, по природе, скорее, застенчивому, но блюдущему репутацию пола. Движения нарочито замедленны, хотя внутренний ритм просто сумасшедший. Но гидротурбина работала подпольно. Подытоживающий взгляд в зеркало, вздерг чуба, невесть для чего приглашенная пальцем кожа на месте будущей складки... И я готов.

Приглашение войти повторил дважды. Первый раз все съела неожиданная охрипь.

Она не замедлила ждать. И дуновение в открытую дверь освежило кубометры тоски.

Вот села на диван, открыла толстую книгу. До того, как положила ее на столик, успел выхватить фамилию. Шолом-Алейхем. И уже где-то посередке. Разлом проложен фантиком. «Белочка».

Ага. Мы любим читать. Прекрасно. Нам же проще. Думаю почти с облегчением: похоже, не надо разыгрывать трепача. Это меня всегда радовало: не сердцеед, даже, наоборот: внутренне безжалостный критик этого циничного сословия. Но почему-то и не радовало. В этот раз. Что такое? Задета струна самолюбия? Мужского! Как же: ни интереса, ни внимания. Ни капли! Опять не верно. Капля была — косая, но жгучая и увесистая — при знакомстве, — она впиталась, куда надо. Случайным такой взгляд не назовешь. В нем есть нечто...

Молчание затянулось. Все-таки лучше хоть какой-нибудь интерес, пусть бы он потом и угас по вине моего занудства... Брр, ненавижу в себе вот это мелкое петушиное чванство. Хромосомы самца, и никуда не деться. Ну, вот и дань лженауке. А ведь до войны посещал курс Вавилова.

Заглянувший проводник посулил чаю. Но как-то излишне сурово. Свысока даже.

«Будем», — одновременно и единогласно. Рассмешило обоих. Она отложила «еврейскую трагедию». Я не преминул прокомментировать:

— Какое счастье, что мы не тогда, а их горести останутся в книгах.

— По-вашему, правильно доверяться книгам? Жизнь сложнее, а зло проще и оттого сильнее. Неверно зарекаться от чего-то.

Во выдала! Голос живой, красивый, играющий. У «барышень», пропаренных Кратким Курсом, таких ноток не уловишь. Но как она неосторожна. Знал я одну... да, вот — с тем же, вспомнил, голосом. Тем же, да не тем. На 180 градусов не тем. Как все-таки много значит интонация. А еще больше — искренность. У нее — от души, а не от напускного энтузиазма. Нет, я люблю и Партию, и нашу Советскую Родину. Не люблю

горнистов: ни в постели, ни за столом. Хотя сам из таких.

Я как все. У каждого где-то на доньшке запекается маленькое эхо от горна и дремлет, затянутое ряской. Прорезается наш трубоч в самый неподходящий момент. Худо, когда голос высмеивает эхо. Еще подлее, если голос обвиняет, а потом судит эхо. И уж полная дрянь, когда голос сажает эхо. Но от этого никуда: за голос отвечает эхо.

Проводник вернулся с чаем в тяжелых дореволюционных под-стаканниках. В этом поезде все старое, как в музее, даже атмосфера. Такие люди меня смущают, а при напоре — раздражают. Высок, грузен, чуть потаскан, мешки под глазами. Но во всем — холеность, непрогибаемость. Говорит едко, но совершенно без выражения. Точно — из бывших.

Как, впрочем, и ты. Ты же захватил первый класс самарской гимназии. И с отцом повезло. Офицер, георгиевский кавалер, в 1918-м перешел на сторону Советской власти. Голову сложил в Туркестане. Как угадал...

Смутное детство. Учебу заканчивал в нашей уже школе. В нашей, потому как был и остаюсь советским человеком. При этом не верю в вину Вавилова. Но и не кричу об этом. Как и о многом другом. Весь крик души выплеснул в последней штыковой атаке — в 1945-м, под Бреслау. Там контузило. Фашистский штык был точен — в сердце, спас блокнот...

Я хочу ей сделать комплимент. Но как? Она однозначно показала, что банальности не пройдут. И мы обойдемся без Безыменского. И будем начеку. Женщину можно оскорбить самой пылкой похвалой. Скажи русской «Красивая дама», но по-чешски: «Пани уроды».

Пришла на помощь сама:

— Могу отдать свой сахар.

— Согласен. В обмен на конфеты.

Достаю коробку шоколадных «мишек». И тут по глазам ее вижу: это женщина. Конфеты — одна из самых сильных ее... слабостей.

— Вы победили. Я сдаюсь. Мои любимые. Даже в блокаду их делали, — затрепетавшие пальцы приходят на помощь побежденным глазам. — Все так просто и сложно.

Вот и все: женщина поборола декабристку. А кто помог? «Мишка на Севере» — хозяин тайги. Впрочем, я был «за».

Беседа налаживалась, входя в русло простодушного приятельства. «Сергею» откликнулась «Людмила». Строго и чинно я достал цимлянское и крабов. Она — сыр и булку. Поочередно и без сговора. Остальное было проще, чем и радовало: картошка, капуста, огурцы, сальце.

Никогда я не говорил с посторонней женщиной так легко и про все. Не касался только войны. Зато про юность, школу, ВУЗ «раз по паре» прихвастнул. Это простительно, потому что не ложь. Ложь —

это когда неправда во всем. Обман — правда не во всем. Ложь непростительна. Обман бывает благим, особенно если утешаешь и, тем более, когда правда способна убить.

Она говорила меньше, но здорово и с большим достоинством. Я не мог наслушаться. Ручеек был мелодичен, в меру серьезен, и в этой серьезности угадывалось самородное остроумие. Эта распевная редкость придавала каждому ее слову весомости и очарования. Разговор мне уже казался драгоценностью, которую разбить страшно и очень легко. Достаточно первой же неловкости.

Точность и поэтичность ее сравнений свидетельствовала о филологическом кругозоре и немалом житейском опыте. Сколько ей? Если верить возрасту, не травленной табаком речи — немногим меньше, чем тебе. А с виду не более тридцати. Здесь все: ум, мудрость и самое редкое — терпимость. Она понимала все, но ничего не навязывала. Иногда смеялась, и это было самое восхитительное — хрустальный колокольчик звенел с искристой вершины королевской елки.

— Видишь, как все просто и сложно, — сказала она.

И он заметил, что ты давно не косишься, а смотришь прямо и тепло. И локти твои — на столе. Как у гимназистки Люсиль — дочери профессора Ларецкого. Но он не чувствовал себя учителем. В этой ученической позе было что-то трогательное, располагающее к доверию и... Насчет большего угадывать боялся. И не столько от волнительного предвкушения... Боялся того сильного и большого, что может прийти к обоим, во всяком случае, к нему. Когда закончилось вино, он предложил продолжить в вагоне-ресторане...

Ее благосклонность сводила с ума притом, что не было в ней ничего жеманного, завлекающего. Естественно и не усложняя, она говорила «да», которому ничто не мешало в любой миг сойти на нет. Тут как на минном поле. И я старался изо всех сил соответствовать, блюдя такт и меру, «которых» искренне чтил. Себе же на пользу. Женщины, как известно, пол слабый, но прекрасный. При этом каждая из них является зеркалом своего мужчины. И не всякому дано меньше не обезобразить это зеркало.

Оказывается, бывают и такие женщины. Почему их встречаешь так поздно? В молодости таких не было. Это он знал точно. Он увлекался. И не раз. До свадьбы не дошло ни разу. Но помнилась почему-то только та самая Люсиль — героиня первого романа. Они встречались, если без антрактов, два года — последние два класса и на первом курсе. Потом он не выдержал. Люсьена была настоящая барышня-недотрога. Зазнайка! Сейчас, вспоминая ее капризы, ее нетерпимость, он поражался собственному долготерпенью. Теперь его выдержки не хватило бы и на час общения с Люсиль. Нет, она была весьма недурна, упражнялась в балетной студии, одевалась со вкусом,

но все в ней было — чопорность и перехлест. Собачились по поводу и без. Мирились поцелуями. На первых порах она ему нравилась. У них было то, что в этом возрасте прикидывается «любовью». Но после двух с половиной лет кабалы он ее почти возненавидел.

С тех пор ты с Люси не виделся. Да и где? После разгона генетиков ты тихо защитил диплом и убыл в Комсомольск-на-Амуре. И скоро забыл все. Строящемуся городу с сотнями молодоженов требовались учителя. В итоге, к твоей химии с биологией приплели развесистый букет гуманитарных предметов...

Потом война... Она сопровождала его все годы, но не тут, не рядом, а близко, по соседству.

...Вагон-ресторан был пуст, лишь у буфета мерно качалась парочка. Она выделяла электричество. Искр еще не было, но ток предупредительно потрескивал. Не успели сделать заказ, как началось. Поставив нам коньяк и фрукты, официант на обратном пути выразил восхищение:

— До чего красивая девушка! Восточный разрез глаз. И имя, наверное, восточное. Гульнары или Гюльджан...

— Гюрза.— Мягко поправил парень, дрессированно закрывая грудь меню.

«Гюрза» прищурилась и твердым, как алмазный нож, взглядом взрезала «змеелова» от переносицы до пупка. Губы ее при этом вымакивали: «Мау-у». Следующий такт был молниеносным. На лоб парня обрушилась тарелка. Папка-меню оказалось проворней.

— Я же говорил.— Кротко улыбнулся он, ссыпая осколки, и резко пальнул из перечницы.

Боевые действия активизировались. Стратегические предпочтения «гюрзы» составляла пустая форма: стакан, тарелка, графин. Лишнее доказательство, что даже внутри амазонки прячется прачка. Сильный пол, напротив, орудовал содержательным элементом: перец, соль, уксус. Мужской выбор объяснялся проще: жирных блюд заказать не успели. Заключительным аккордом битвы стал обоюдный рывок к середине стола, где губы судорожно слились.

— Видишь, как все просто и сложно.— Одними глазами улыбнулась Людмила. И уже не вслух: "НЕ УЗНАЕШЬ?"...

После этого пить и есть не получалось. Во-первых, от смеха, а во-вторых, от страха, как бы за этот смех не поплатиться. В итоге, уговорили официанта завернуть заказ в кулек.

Доели в купе.

Но вечер зрел. А с ним и сон. Перед сном был поцелуй — долгий и сладкий...

Все поменялось... я — ты. Ты — я. Та...

Он заснул не сразу. Веселой дробью расплялась плоть. Романти-

ка овладевала мыслью, ища затерянный экстаз. В содружестве с хмелем ей это удалось без боя. Засыпал счастливый и влюбленный. И уже не видел, как долго и нежно я наблюдаю за тобой — спящим, вздрагивающим и беспомощным, Сережа.

Шматком строганины угрюмился месяц, а бирюза влажно сверкала из темноты, и губы грустно повторяли все те же два коротких слова...

...Разбудил дикий крик. Сначала не понял. Потом различил очертания. Дошло: купе. Память быстро доклеила остальное.

Она прижалась к стене: затравленный зверек. В глазах стыл лунный ужас. Видимо, тоже только-только начала ориентироваться.

Я выразил сопереживание: «Что-то страшное приснилось?»

Ее тело выгнулось в зябкой вибрации.

«Напали, да? Кто: вампиры, бандиты?»

«Белки напали!»

Категорически серьезный, неприступно трагический тон Людмилы не допускал и мысли, что кто-то в природе способен сравниться с кошмаром по имени «белки».

Тишь ночи расконопатил долгий гогот. Чуть позднее присоединилась она — серебристая трель клавикорда. Прижавшись, мы сидели на ее диване...

...Утром едва не проспали станцию. Ее.

Сборы в темпе «полундра». Он все время ластился, норовил поцеловать. И требовал адрес. Достала карандаш, впопыхах начеркала каракули на... Оказалась изнанка билета. Его.

Неужели так и не узнал? Он прав. Ты была такой идиоткой. Как бы напоминанием (о той) не спугнуть снова...

Твоя станция? Прощальный поцелуй... Он не сразу разневолил путь на перрон.

Все так просто и сложно!

Моя — следующая.

Долго не мог унять дрожь. Я влюбился?! А как же адрес, спохватился вдруг, но, увидев билет, успокоился. Что там она накарябала? Ну, и почерк! Такие каракули я видел только в школе. Была, понимаешь, одна Люсьена, самарская соученица. Для нее все сложное было просто. А для этой... все наоборот.

«Здравствуй...».

Это мы разобрали, дальше... закорючки то ли адреса, то ли телефона, а может, и то и то. А внизу подпись: «Лю... си».

ЛЮСИ? Еще одно совпадение? Сердце обожгло. И оно выпрыгивает из проруби. Срочно хлопнуть стакан. Хотя бы пива. Остальное разберу после.

Выпив в ресторане прохладного «жигулевского», вернулся в купе.

Вот и Куйбышев. Где билет? Вот. Кладем его в портмоне. Теперь пора — за чемодан.

Из открытого окна дует. Рывками. Портмоне приоткрывается, и что-то взмывает.

Второпях он хватается и, спиной к сквозняку, заглядывает между желто-коричневых корок. Вроде все на месте. Ну, с Богом. На выход. Прощай, вагон.

...Билет метался по багажному отсеку, постреливая единственно внятным словом «Здравствуй»...

Этот билет и оказался запавшим в багажный отдел, где прилип и коптился, покуда его не отодрал проводник...